

Жанровые и лингвистические особенности «Жития Евфросина Синозерского»

The Genre and Linguistic Peculiarities of “The Hagiography of Evphrosyn Sinozerski”

Natalia TICHOMIROVA
 Ćerepoveco valstybinis universitetas
 Ćerepovecas, Rusija
yazykoznanie@chsu.ru

Summary

The article deals with some peculiarities of “The Hagiography of Evphrosyn Sinozerski”. The conducted analysis shows that Hagiographies written in the 17th century are a source of interesting and rich material for the History of the Language. The genre of hagiography undergoes transformation and

in the text we can observe some changes caused by the processes taking place in everyday speech in the target period .

Keywords: *the genre of hagiography, staroslaviansms, Russicisms, dialect peculiarities, unification of declensions.*

Резюме

В статье рассматриваются некоторые особенности «Жития Евфросина Синозерского». Проведенный анализ показал, что жития 17 века дают интересный и богатый материал для истории языка: происходит трансформация жанра жития, время создания произведения определяет про-

никновение в текст ряда изменений, связанных с процессами, происходившими в этот период в живой разговорной речи.

Ключевые слова: *жанр жития, старославянизмы, русизмы, диалектные особенности, унификация склонений.*

С XIV века север Руси постепенно становится одним из важных центров книжной культуры. «Стремительно создаются монастыри и расцветают уже существующие, возрастает экономический потенциал Севера. Белозерье и Вологодчина как его части становятся обладателями удивительных книжных богатств» (Дементьева, 1993, 38). В сокровищницу общерусской письменности входят и многие местные произведения. Одно из них – малоизвестное «Житие Евфросина Синозерского».

Севернорусская агиография примечательна своей особой, отличающейся от общих канонов, традицией. Исследователь Л. А. Дмитриев так характеризует её: «Сюжетная повествовательность, отражение реальной жизни и конкретного быта, а вместе с тем близость к преданию, устному рассказу наиболее ярко проявились в легендарных

новгородских житиях и в ряде севернорусских житий, продолжавших и развивавших новгородские традиции» (Дмитриев, 1972, 7). Историк-языковед А. А. Шумилова пишет, что «северные жития приобретают новые черты: появляется новый герой, часто невысокого социального происхождения, который совершает обыкновенные мирские подвиги; размываются границы жанра, что ведет к сближению жития с исторической или бытовой повестью; меняется язык повествований, поскольку в ткань произведения включаются элементы фольклора, местные слова и топонимы, иногда не отмеченные в целом ряде других письменных источниках» (Шумилова, 1989, 31).

«Житие Евфросина Синозерского» было написано в 1650 году иноком Ионий Филипповым Суровцыным. В 1842 году житие сгорело вместе с делами Устюженского духовного правления. В

Череповецком музейном объединении хранится лишь копия XVIII века, которую мы использовали в нашем исследовании. И, судя по всему, это единственный рукописный экземпляр. Опубликован он был в 1901 году С. А. Андриановым.

Евфросин Синозерский не был канонизированным святым, поэтому в рукописи нет посмертных чудес. Лишь 29 июня 1912 года он был официально причислен к лику святых преподобномучеников и чудотворцев новгородских и как святой угодник изображается на иконе Собора Новгородских Святых. Чудеса, происходившие после его смерти, были зафиксированы в XIX веке.

Подлинная рукопись датируется 1650 годом, значит, «Житие» написано всего через 36 лет после гибели святого Евфросина, так что составитель мог опираться на воспоминания очевидцев. Возможно, этим и объясняется ощущение достоверности и личностного отношения инока Ионы к сообщаемым событиям, что проявляется в именовании героя автором: «*преподобны отецъ нашъ Евфросинъ впустини тойъ живаше*».

По жанру данное произведение во многом приближается к исторической повести, так как здесь постоянно нарушаются житийные каноны: здесь нет описания детства святого, нет посмертных чудес, автор называет себя в тексте. Произведение основано на реальных событиях, о чем свидетельствует наличие местных географических названий (*Бежецкая пятина, Устюжна Железопольская, р. Чагодоца, оз. Синичье*), имен исторических лиц (великий князь Борис Федорович, Гришка Отрепьев), привязывающих события к определенному времени и месту действия. Таким образом, нарушается один из главных принципов житийного канона – принцип отвлеченности.

Весь текст жития распадается на несколько самостоятельных частей, каждая из которых представляет отдельное сюжетное повествование. Со смертью главного героя эта часть не только не завершается, как должно быть по агиографическому канону, но в житие вводятся новые действующие лица, и судьба их оказывается не менее значительной, чем жизнь самого святого.

Вначале называется имя отца Евфросина – Семион. О детстве героя не говорится ничего. Сухо и коротко повествуется, что он был в Валаамском монастыре, затем «*переселился во область того же Нова града в Бежецкую пятину в весь нарицаемую Долосскую, ѿстолющую ѿграда оустюжны железопольскїа тридесать поприщъ; ибысть Ефремъ втоиъ веси чтець во церкви*» [ЖЕС, XVIII в.].

Самый большой интерес представляет повествование об уходе старца Евфросина в пустыню. Не случайно именно эта часть занимает почти половину всего текста. Сначала дается описание места, где Евфросин решил основать обитель.

Характерной особенностью произведения стало подробное описание бытовых деталей: пищи Евфросина, его занятий, – что к тому времени уже довольно распространено в северной агиографии. «*За два лѣта не вкуси хлѣба: пища же его бысть пустынная быліа, многи различныа губы, грибы, грузды, рыжикѣ, волчанки, такожде многоразличнїи... ѿ годичїа, брусница, черемха, смородина черница, ледуница, команица рабина... ѿ годникъ, сиречь бороваиъ бѣлоуъ мох. Бысть же ему ручное дѣло плеташебо съти... суть наловитву рыбную*» [ЖЕС, XVIII в.].

Описав быт Евфросина, автор рассказывает, как распространялась слава о нем, как через три года строилась церковь, «*как Евфросин прожил десятирѣцу лет со единым*».

Самый напряженный и динамичный момент рассказа воплощен в эпизодах, изображающих приход поляков. Каноническое требование прижизненной прозорливости святого получает здесь неожиданный поворот. «Евфросин, заранее предвидя пришествие поляков и желая спасти людей, убеждает их уйти из обители, но ему не только не верят, но и обвиняют его в злом умысле. Момент нападения на обитель – кульминация повествования. Действие становится предельно напряженным. Это достигается тем, что в небольшом отрезке текста использован ряд глаголов: *обимаху, опровергаху, покаряху, разоряху, восхичаху, предаваху, губяху, пожинаху*» (Шумилова, 1989, 34). В тексте заметно влияние фольклора, оно проявляется в наличии метафорических сравнений и повторов в тексте: «*Рускїа же сыновы мечемъ литовскаго плеча губаху аки класы серпомъ гнѣва господна пожинаху*», «*Пребыша ту людїе день единъ и ноць едину*».

Для агиографического жанра типична тема нападения разбойников на обитель, но здесь не благополучно завершившийся конфликт, а яркое повествование о действительном событии.

По агиографическому канону в конце должно произойти чудо, но финал трагичен: старец Евфросин погибает от рук поляков: «*...едини же ѿкальнии кровопїища оудари мечемъ по выи прїбнаго старца и пресече (его) до полу...*». Нет в «Житии» и канонических посмертных чудес, о чем уже упоминалось выше. Но цикл повествования не завершается смертью героя, как это

предполагается в канонических текстах. Далее следует рассказ о свидетелях события: Иване, по прозвищу Сума, и его сыне Емельяне. Эту часть можно назвать вставной новеллой.

Затем автор повествует о своем времени, о строительстве новой церкви. Здесь он не только называет свое полное имя, но и сообщает даже некоторые сведения о себе: «риторики навик, ни философии не учився... прях хартию, чернило и трость... и понудихся написати о многих». Это одна из особенностей северной агиографии, где чаще, чем в других регионах, фиксируется авторство.

Таким образом, перед нами житие, не соответствующее житийным канонам, это уже скорее повесть. На эту близость указывает непосредственность и искренность изложения: «грѣхъ ради нашихъ прїиде исполскїа земли лють плододныхъ звѣрь икровопїца гришка отрепїевъ тоиже ирострига нарицаа себе именемъ блговѣрнаго црѣвича кнѣа димитрия ивановича оуглецаго». Автор опоэтизировал повседневный незаметный подвиг во имя духовности и человечности: «прїбныхъ старецъ евфросинъ в пустыни пребываа простираааа намногїа добродѣтели и навеликїа подвиги иживааше жизнь свою вовсемъ оугождаше своему влїцѣ: всеношнымъ бдѣнїемъ инепрестаными молитвами и постомъ...». «Пиетизм канонического жития не был лишен взволнованности чувства и также вел к обостренной эмоциональности восприятия подвига и мученичества святого. Но он был другим по структуре – более абстрактным и литературным. Автор XVII века, делая читателя почти соучастником и свидетелем недавних событий, происходивших в обстановке понятной и близкой ему, добивался духовной близости между читателем и мучеником, усиливая эффект сопереживания» (Дементьева, 1993, 41).

Остановимся на некоторых языковых особенностях «Жития Евфросина Синозерского».

«Житие» является памятником церковной литературы и относится к жанру высокого стиля. В нем отмечается большое количество фонетических старославянизмов: слов с начальными ю, а, е (*иезерами, аки, единъ, аз*); с неполногласными сочетаниями (*блаты, оградаю, врага, града, власть, класы, гладь, малобрѣмннаго, злата, сребра, главу, власы, брада, среднаго*); с начальным ра- (*иработал*); –жд- и –щ- на месте праславянских сочетаний –dj- и –tj- (*прежде, препровождаа, обогащаа, надежды, отхожденїемъ, вѣвщааша*). Фонетические старославянизмы преобладают в тексте, но нами

обнаружены и русизмы, хотя они ограничиваются приведенными примерами: *озера, ѡко; смородина, болота; смърти*.

Обращает на себя внимание реализация Ѣ (ять) в тексте. В большинстве случаев наблюдается этимологически правильное употребление буквы Ѣ (*мѣсто, грѣхъ, заповѣданныхъ, лѣто, лѣсъ, хлѣбъ, вѣра, впещерѣ, бѣлои, себѣ, гнѣвъ* и т. д.), но есть и нарушения, в частности смешение Ѣ и Е (*врѣмя, мѣчь и мѣчь, стѣло и село, рѣка и река, тѣло – телѣсное – тѣлѣсными*). Такое явление свидетельствует о диалектных особенностях, нашедших отражение в тексте жития. В примерах же мы видим употребление буквы Е вместо Ѣ и под ударением, значит, мы можем говорить о полном совпадении звуков, обозначаемых буквами Ѣ и Е. Отмечаются случаи неединообразного написания неполногласного сочетания –рѣ- (с одной стороны, *малобрѣмннаго*, а с другой – написание Е на месте Ѣ, например, *сребра, среднаго*).

В тексте «Жития» находят отражение и такие диалектные фонетические особенности, как «цоканье» и «чоканье». Правда, они единичны: *ѡко овча* вместо *ѡко овца, шалоцаго, оуглецаго*. Это явление появилось в Новгородской и Псковской землях и на территориях, которые находились под их властью, и, как известно, отмечается в современных белозерских говорах.

Лексический состав «Жития Евфросина Синозерского» представляет немалый интерес для историков и диалектологов, так как помимо книжных слов в тексте присутствуют диалектизмы, многие из которых сохранились в современных севернорусских говорах, о чем говорят данные словарей. Примерами таких диалектных слов являются следующие: *пустыннаа былїа; губы; груды; волнани; ѡгодичїа; брусница; черема; смородина; черница; ледуница; команица; ѡгодникъ сиречь бороваи бѣлои мох; наловитву (рыбнїю); вкуду; окаянїи; зыбучими мхами* (СРГК, 3, 265).

Наличие в тексте «Жития» диалектных слов, скорее всего, связано с влиянием живой разговорной речи на книжно-литературный язык.

Как уже говорилось ранее, «Житие Евфросина Синозерского» относится к числу памятников религиозного характера, которые были достаточно консервативны по отношению к языку. Возможно, именно поэтому в целом в тексте сохраняется система имени существительного, глагола и местоимения древнерусского языка. Отметим некоторые особенности в употреблении имени существительного.

Слова склонения на *ѡ в большинстве сохранили свой древний тип: *невидимыхъ врагъ, много подвиговъ, грѣхъ нашихъ* (Р.п. мн.ч., твердый вариант), *купостатомъ, трудомъ, братомъ* (Д.п. мн.ч., твердый вариант), *вподвизгахъ, вблатехъ* (М.п. мн.ч., твердый вариант), *лѣсы, блаты* (Т.п. мн.ч., твердый вариант).

Сохранились древние формы и других склонений. Например, слова склонения на согласный: *ктелиси* (Д.п. ед.ч.), *матерь* (В.п. ед.ч.); склонения на *ѣ: *сынове* (И.п. мн.ч.), *домы* (В.п. мн.ч.); склонения на *ѣ: *ѡлюбве* (Р.п. ед.ч.); склонения на *а: *наземли* (М.п. ед.ч., мягкий вариант).

Однако в тексте нашел отражение и процесс унификации склонений имен существительных. Влиянию других склонений подверглись слова склонения на согласный. Например: «*накамени*» вместо исконного «*накамене*» (М.п. ед.ч.). Как известно, в словах такого типа старая форма И.п. ед.ч. «*камы*» была вытеснена формой В.п. ед.ч. «*камень*». После установления формы на –ень в И.п. эти слова, как и слово «*дѣнь*» (которое, как видно, очень рано стало иметь такую форму в И.п.), совпали по своему фонетическому облику и морфологической структуре со словами мужского рода с бывшей основой на *і (типа «*огнь*», «*пѣрстень*») и стали склоняться по этому типу. Отмечена форма родительного падежа единственного числа «*слова*» вместо исконного «*словесе*», а также форма творительного падежа множественного числа «*словесы*» вместо исконного «*словесьми*». Влияние склонения на *а на другие типы склонений представлено единичным примером: встречается только форма «*мхами*» вместо исконной «*мхы*» (Т.п. мн.ч.).

В тексте «Жития» продолжает сохраняться двойственное число существительных (*ногама* – Д.п., *вруць* – В.п.).

Анализ «Жития Евфросина Синозерского» позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемый текст во многом отходит от канонического жития и приближается к жанру исторической повести. Языковое оформление текста подчинено цели создания определенного стиля, который обусловлен жанровой принадлежностью текста

и временем его создания. Однако мы видим, что время создания «Жития Евфросина Синозерского» повлекло проникновение в текст ряда изменений, связанных с процессами, происходившими в этот период в живой разговорной речи: совпадение в произношении звуков, обозначаемых буквами Ъ и Е, на морфологическом уровне мы наблюдаем процесс унификации склонений существительных. В тексте также нашли отражение севернорусские диалектные особенности, в частности, особенности новгородского говора: явления «чоканья» и «цоканья», отверждение звука [ц] и наличие лексических диалектизмов.

Литература

- Дементьева Н. Г., 1993, К вопросу о севернорусской агиографии: «Житие Евфросина Синозерского». Традиции и новаторство. In: *Традиции в контексте русской культуры*. Сб. статей и материалов. Ч. 1 / Под ред. В. А. Кошелева, А. В. Чернова. – Череповец.
- Дмитриев Л. А., 1972, Жанр севернорусских житий. In: *История жанров в русской литературе X–XVII вв.* – Москва – Ленинград.
- Житие преподобнаго старца Евфросина начальника Синозерския пустыни XVIII в.* ЧерМО (9–55; 1056/57). [ЖЕС].
- Шумилова А. А., 1989, Лингвистическое краеведение и история языка. In: *Методические указания к факультативу по лингвистическому краеведению* / Под ред. А. А. Шумиловой. – Череповец.

Словари

- Даль В. И., 1980, Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Москва: Русский язык
- Картотека Словаря западных говоров Вологодской области. (КСЗГВО).
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 в., 1994–2005 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд.-во Санкт-Петербургского ун-та. (СРГК).